

Летучий Александр Борисович

ТИПОЛОГИЯ ЛАБИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Специальность 10.02.20 – «Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание»

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Москва 2006

Работа выполнена в Учебно-научном центре лингвистической типологии
Института лингвистики Российского государственного гуманитарного
университета

Научный
руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Плунгян Владимир Александрович

Официальные
оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Недялков Игорь Владимирович

кандидат филологических наук, доцент
Лютикова Екатерина Анатольевна

Ведущая
организация:

Институт востоковедения РАН

Защита состоится «20» декабря 2006г. в «___» часов на заседании
диссертационного совета Д. 212.198.08 в Российском государственном
гуманитарном университете (125267, Москва, Миусская пл., д. 6).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского
государственного гуманитарного университета.

Автореферат разослан «___» ноября 2006г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.Б. Рукодельникова

Общая характеристика диссертации

Настоящая работа представляет собой теоретический и типологический анализ лабильных глаголов (глаголов, способных в одной и той же форме выступать и как переходные, и как непереходные) в языках мира и смежных явлений. Предложенная классификация лабильных глаголов применяется наиболее детально к материалу арабского языка.

Актуальность исследования

Механизм актантных преобразований является одной из важнейших тем в современной теории языка и лингвистической типологии. Такие преобразования значимы и сами по себе, и в связи с другими грамматическими явлениями (например, аспектуальными свойствами глаголов), и в соотношении с семантическими особенностями конкретных лексем.

Способы выражения переходности и актантных дериваций изучались и в рамках общих типологических и теоретических исследований, и в описаниях конкретных языков, однако лабильность изучалась не столь полно, как декаузативные и каузативные морфологические показатели. Понятие лабильности было введено в исследованиях по кавказоведению в 1940-х гг.¹ В этих работах она скорее рассматривалась как одна из особенностей кавказских эргативных языков – прежде всего, абхазо-адыгских и нахско-дагестанских. Однако начиная с середины 1980-х гг. лабильные глаголы стали интересовать типологов и в более общем плане – как немаркированные аналоги показателей актантной деривации. Тем не менее, типология лабильности всё ещё очень слабо разработана. В настоящей работе предпринимается попытка заполнить этот пробел в типологии переходности и актантных дериваций. Ясно, что без исследования лабильности является неполной и типология переходности: способы маркирования переходности и актантной деривации взаимодействуют между собой и дополняют друг друга – а следовательно, изучение лабильности даст материал для понимания переходности в целом и в отдельных языках.

С другой стороны, тема актуальна также для исследований, посвящённых семантике ситуаций, семантическим свойствам актантов и связи этих характеристик с синтаксическими свойствами лексем. Лабильность не в меньшей мере, чем переходность как таковая (см. работы П. Хоппера и С. Томпсон², а также Т. Цуноды³ и др.) связана с семантическими характеристиками участников. В частности, сравнение систем лабильных глаголов в различных языках, даёт новый материал для понимания того, какие свойства участников ситуации релевантны для данной грамматической системы (ср. недавнее исследование А.Л. Мальчукова⁴, где показано, что для синтаксической переходности в одних языках наиболее релевантны свойства агенса, а в других – свойства пациенса).

Объект и предмет исследования

Объектом исследования данной работы является лабильность и связанные с ней явления. Описываются лабильные глаголы (глаголы, способные выступать и в качестве переходных, и в качестве непереходных) и их классы в языках различных типов и генетической принадлежности. В результате работы выявляются основные факторы возникновения лабильности. Более детально классы лабильных глаголов

¹ В частности, в работе А.С. Чикобава «Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции» (Известия ИЯИМК, XII. Тбилиси, 1942), где впервые был предложен термин «лабильные глаголы».

² Hopper P. and S. Thompson. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. Vol. 56.2. 251-299.

³ Tsunoda, T. Remarks on Transitivity // Journal of Linguistics. Vol. 21. 1985. 385-396.

⁴ Malchukov A.L. Case pattern splits, verb types, and construction competition // ALT VI Conference. Материалы к докладу. 2005.

анализируются на примере арабского, русского и адыгейского языков.

Лабильность можно проиллюстрировать на примере английских глаголов *break* ‘сломать(ся)’ и *wash* ‘мыть(ся)’: у первого из них переходное употребление является каузативом от непереходного, у второго непереходное – рефлексив от переходного.

Теоретическая значимость. Исследование лабильных глаголов на широкой выборке языков показывает, что традиционное представление о лабильности, основанное на материале кавказских языков, неполно. В более широкой перспективе выводы работы показывают, что представление о самопроизвольности действия как факторе выбора способа формального соотношения переходного глаголов не позволяет объяснить наблюдаемые явления. Кроме того, мы показываем, что варьирование переходности и немаркированная актантная деривация – не обязательно связанные между собой явления.

Практическая значимость работы состоит в разработке синтаксической «анкеты», которая позволяет определить основную группу лабильных глаголов в некотором языке. Полученные на материале различных языков результаты могут быть использованы в полевой работе, а также при подготовке теоретических лингвистических курсов по общему синтаксису или по типологии переходности и актантной деривации.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые лабильность систематически исследуется как особое явление, независимо от показателей деривации. Строится типология лабильности – как на уровне отдельных глаголов, так и на уровне их групп в конкретных языках. При этом учитываются не только прототипические представители класса переходных глаголов, но и глаголы с меньшей семантической переходностью. В исследовании разрабатываются параметры типологической классификации глаголов и выявляются основные факторы появления лабильности. Ранее лабильность и причины её появления не подвергались системному изучению. Кроме того, изучается связь лабильности с особенностями грамматики языка, которая ранее исследовалась только фрагментарно и преимущественно на уровне отдельных языков. Наконец, в рассмотрение вводится материал языков с неразвитой лабильностью (арабского, русского, болгарского).

Цели и задачи исследования

Целью настоящей работы является описание лабильности, её подклассов, факторов её возникновения и соотношения с другими грамматическими явлениями. В связи с этим мы ставим несколько конкретных задач:

1. выделить основные классы лабильных глаголов по соотношению между переходным и непереходным употреблениями;
2. выявить основные семантические группы глаголов, для которых характерна лабильность;
3. рассмотреть связь класса лабильных глаголов со свойствами грамматики языка (для этого предлагается несколько параметров для описания классов лабильных глаголов);
4. определить соотношение лабильности с близкими феноменами: варьированием актантной структуры без изменения переходности; показателями переходности и актантной деривации; опущением актантов.

Материал исследования

Материал исследования включает около 70 языков различного строя и генетической принадлежности. Одним из основных (но не единственным) источников исследования служили словари и грамматики. Также важными источниками стали данные, полученные в ходе полевой работы с носителями языков (экспедиции РГГУ, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИЛИ РАН и др.), в том числе словарные экспедиционные

материалы⁵.

Наконец, в качестве источников привлекались электронные корпуса текстов, доступные в сети Интернет (Национальный корпус русского языка, а также корпуса арабского и немецкого языков) и материалы различных сайтов (в частности, арабский материал взят из газет «Al-bayan» и «Al-watan»).

Методы исследования

Основным методом исследования была работа со словарями и грамматиками: вначале были выявлены группы глаголов, наиболее склонных к лабильности (глаголы деструкции, движения, фазовые глаголы). Затем по словарям и грамматикам проверялась способность представителей этих классов к варьированию. Для изучения значения глаголов и распределения лабильных глаголов и каузативных дериватов были проведены опросы носителей некоторых языков (адыгейского, баскского, болгарского, итальянского, немецкого, новогреческого, русского и хакасского). Для исследования лабильных глаголов проводилось анкетирование с помощью составленной автором анкеты, включающей ситуации с различной семантикой (воздействие на пациенс, движение, фазовые значения, глаголы обучения и т.д.).

Апробация результатов исследования

По теме диссертации были прочитаны доклады на заседании Московского типологического общества (Москва, 2004), на II и III конференциях по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 2005, 2006), на конференции по отглагольной деривации (Москва, 2005г.), международных симпозиумах LENCA-2 (Казань, 2004) и LENCA-3 (Томск, 2006), конференциях «Диалог-2003» (Москва, 2003) и «Диалог-2006» (Москва, 2006), международной конференции «Синтаксис языков мира» (Ланкастер, 2006).

По теме диссертации опубликовано 8 работ.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложений. Первая глава посвящена соотношению лабильности с близкими явлениями, вторая – типам лабильных глаголов, третья – функционированию лабильности в системе языка, четвёртая – диахроническому развитию лабильности, а в пятой подробно описываются арабские лабильные глаголы. В заключении обобщаются результаты работы – в частности, кратко перечисляются факторы возникновения лабильности, её роль в языковой системе и типы лабильных глаголов. В качестве приложений к диссертации приводятся списки семантических и синтаксических типов лабильных глаголов и список языков, данные которых использовались.

Содержание работы

Во введении обосновывается тема диссертации, ставятся цели и задачи исследования, указываются источники, материал и методы исследования.

После этого даётся краткое определение лабильности и излагается история изучения лабильности как отдельного явления и в рамках типологии переходности и актантной деривации. Лабильность изучалась, с одной стороны, в грамматиках конкретных языков, а с другой стороны, - в исследованиях по типологии. Подходы к лабильности в этих двух случаях различаются. В описательных грамматиках (в

⁵ В частности, использовались материалы полевой работы автора диссертации с носителями хакасского и адыгейского языков (экспедиции РГГУ 2002-2006гг.). Также источником послужили данные, собранные в ходе полевой работы экспедиций ИЛИ РАН с носителями языков манде (за предоставление этих материалов мы благодарны В.Ф. Выдрину) и в ходе полевой работы экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики Филологического факультета МГУ с носителями мордовского языка (за их предоставление мы благодарим В.А. Иванова).

особенности, кавказских языков⁶) вместе рассматриваются все случаи вариативности переходности глагола - например, 'читать что-л. / читать', 'разбить / разбиться', 'идти / вести' и т.д. Семантическое соотношение между употреблением не анализируется.

С другой стороны, в работах по типологии, как правило, изучается один тип лабильности в сопоставлении с показателями, выражающими такое же значение (например, каузативное)⁷. В работах М. Хаспельмата, Е.А. Лютиковой рассматриваются различные типы соотношения между переходным каузативным и непереходным глаголами: супплетивизм, эквиполентные оппозиции, при которых маркированы оба члена пары, маркирование переходного или непереходного глаголов и лабильность. Основное внимание уделяется именно случаям маркирования непереходного глагола (декаузативации) или переходного (каузативации). Такой подход не вполне удовлетворителен для наших целей: он уделяет мало внимания собственно лабильности и не позволяет выявить общие черты между различными типами лабильности.

Наконец, М.С. Полинская в своей диссертации⁸ предлагает наиболее широкий подход к лабильности: лабильными предлагается считать все глаголы, способные менять свою модель управления без формального маркирования. При данном подходе в рассмотрение включается очень широкий круг явлений – мы же сознательно ограничиваем список рассматриваемых дериваций.

Тема первой главы диссертации «Лабильность и близкие явления» - соотношение собственно лабильности, её канонического типа, с близкими к ней явлениями в системе языка. Прежде всего, в первой главе даётся определение канонически лабильного глагола, включающее пять признаков:

- (1) Он имеет и переходную, и непереходную модели управления.
- (2) Свойства субъекта или семантика ситуации при этих моделях управления различаются (при **рефлексивной** лабильности типа англ. *wash* 'мыть(ся)' или реципрокальной типа *kiss* 'целовать(ся)' субъект в одном из употреблений совпадает с объектом; при **декаузативной** лабильности типа *break* 'сломать(ся)' субъектом одного употребления является пациент, а другого – агент).
- (3) Свойствами (1) и (2) обладают все формы глагола.
- (4) Все противопоставленные диатезы не соотносятся как «полная» диатеза и диатеза с опущением референтного актанта, ясного из контекста, либо обобщённого актанта
- (5) Два употребления нельзя считать двумя омонимичными лексемами.

Далее рассматриваются явления, близкие к лабильности, но по каким-либо признакам отличные от неё. Прежде всего, замечено, что по многим свойствам различаются Р-лабильность (и во многом сходные с ней рефлексивная и реципрокальная лабильность типа, соответственно, 'мыть / мыться' и 'целовать / целоваться' – в дальнейшем все эти типы мы называем канонической лабильностью) и А-лабильность. Предлагаются следующие различающие признаки:

- (1) Р-лабильность, в отличие от А-лабильности, существенно меняет состав участников глагола или налагает на них требования кореферентности.

⁶ В частности, в работе А.С. Чикобава «Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции» (Известия ИЯИМК, XII. Тбилиси, 1942), где впервые был предложен термин «лабильные глаголы».

⁷ См., например, работы: Haspelmath, M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // В. Comrie and M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam: Benjamins, 1993. 87-120.; Лютикова Е.А. Русские лабильные глаголы в типологической перспективе. Материалы к докладу на Ломоносовских чтениях. М., 2002.

⁸ Полинская М.С. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков. АКД. М., 1986.

(2) А-лабильность не членится на диатетические типы, тогда как Р-лабильность может быть разделена на типы.

(3) При Р-лабильности в гораздо меньшей степени, чем при А-лабильности, определяется направление «немаркированной деривации» (первично обычно переходное употребление).

(4) Только при А-лабильности существование ситуации, обозначенной каждым употреблением, влечёт существование другого (например, 'Вася читает X' ↔ 'Вася читает').

(5) Р-лабильность по-другому, чем А-лабильность, соотносится с показателями деривации: сравнительно большое число языков не имеет показателей понижения пациенса (например, антипассива) и допускает опущение объекта практически у всех глаголов (ср. язык тариана⁹). Для Р-лабильности такой широкий охват нехарактерен: даже в языках типа английского или чукотского лабильность не охватывает всей глагольной системы.

(6) Наконец, А-лабильность не удовлетворяет нашему определению канонической лабильности, так как употребления А-лабильного глагола типа 'читать что-л./читать' не различаются по свойствам субъекта.

Как показано в работах К.И. Казенина¹⁰, в некоторых языках типы лабильности распределены относительно множества глаголов. Однако в целом А- и Р-лабильность они представляют собой явления разной природы. Аналогом Р-лабильности является не А-лабильность в целом, а **немаркированные аппликативы**, добавляющие нового участника к непереходному глаголу (ср. нем. *arbeiten* 'работать' / 'делать, мастерить что-л.') – в их случае семантика глагола в двух употреблениях существенно различается. Однако глаголы такого рода в языках мира обычно немногочисленны.

Асимметрия А- и Р-лабильности связана со свойствами агенса, легче отделимого от семантики ситуации, нежели пациенс. В диссертации рассматривается только собственно лабильность – то есть Р-лабильность, рефлексивная и реципрокальная лабильность и конверсивная лабильность.

В разделе 1.4 рассматривается соотношение между лабильностью и показателями актантной деривации – показывается, что рассматривать лабильность как добавление нулевого показателя деривации неправомерно в силу ряда отличий лабильности от типичных показателей. Так, лабильности, в отличие от показателей актантной деривации, свойственны:

1. меньшая регулярность (лабильность характеризует только ограниченное количество глаголов);

2. возможность третьего промежуточного употребления (переходного некаузативного или непереходного каузативного), ср. (1-3):

Болгарский:

(1) *Той пасе кравата* 'Он пасёт корову'.

(2) *Кравата пасе* 'Корова пасётся'.

(3) *Кравата пасе тревата* 'Корова щиплет траву'.

3. хорошая сочетаемость с дополнительными показателями деривации: ср. франц. *casser* 'разбить(ся)' vs. *se casser* 'разбиться';

4. нестандартные для каузативных или декаузативных показателей классы лексем (например, лабильность фазовых глаголов или глаголов движения);

5. нестандартные подтипы каузативного значения (при декаузативной

⁹ См. Aikhenvald A. Transitivity in Tariana // Dixon R.M.W. (ed.). Changing valency: case studies in transitivity. 2000. 85-115.

¹⁰ Kazenin K.I. On the Lexical Distribution of Agent-preserving and Object-preserving Transitivity Alternations // Nordic Journal of Linguistics. №17. 1994. 141-154.

лабильности).

Из данных свойств следует, что лабильность – не механизм деривации, а механизм соединения в одной лексеме нескольких близких между собой ситуаций. Поскольку лабильность и показатели деривации по-разному используются языковой системой, вполне объяснима их способность присоединяться к одному и тому же глаголу.

Раздел 1.6.1 посвящён мене модели управления типа *пожертвовать собой* – *пожертвовать двадцать долларов*, не подразумевающие изменения числа актанта. Явления такого рода очень многообразны – часть из них носят характер жёстких правил (например, употребление инструменталиса в конструкциях с объектами-частями тела в русском языке: *Вода крутит колёса* vs. *Вася крутит головой*). В других случаях распределение моделей не до конца ясно. В частности, так обстоит дело с немаркированным аналогом антипассива. Явления такого рода не считаются лабильностью в силу своей разнородности (они тесно связаны с лексической семантикой конкретного глагола) и отсутствия сильного воздействия на семантику ситуации.

В разделе 1.6.2. анализируются типы лабильности, затрагивающие не всю парадигму. Под **частичной лабильностью** понимается варьирование, затрагивающее не всю парадигму (в части форм переходное и непереходное употребления расподобляются). Такой тип лабильности характерен, в частности, для индоевропейских языков: в германских, романских языках и в болгарском тип образования форм прошедшего времени зависит от переходности глагола (болг. *изгори* ‘он сжѐг’ vs. *изгоря* ‘он сгорел’), либо косвенно связан с ней. В дагестанских языках расподобление может происходить в императиве – ср., например, багвалинский.

Распределённой лабильностью называется случай, когда во всей парадигме в целом «переходный» и «непереходный» типы формально различаются (ср. различие во вспомогательных глаголах в баскском языке или лично-числовую парадигму грузинского или адыгейского глагола). Степень близости этого типа к лабильности зависит от природы различающих употребления показателей. Чем ближе к словоизменению они находятся (как, например, адыгейские морфологические показатели согласования), тем легче говорить о лабильности. По сути, при различии согласовательных показателей в словоформе только автоматически отмечаются участники ситуации, а собственно категории глагола не противопоставляют два употребления. Напротив, если различие лежит на уровне словообразования, как в атабаскских языках, стоит говорить не о лабильности, а о маркировании переходности. Кроме того, существенно, является ли один из членов пары маркированным по сравнению с другим – если это так, вероятно, он содержит показатель деривации.

Наименее близок к канонической лабильности случай **разделения употреблений по подпарадигмам**. В частности, в древнегреческом и санскрите часть глаголов выступают как непереходные в перфекте и как переходные – в презенсе. Такие случаи сравнительно редки и обычно показывают, что одна из форм глагола исторически связана с меной актанта структуры (например, выражала объектный результатив), а позднее эта связь могла быть утеряна.

В заключении раздела строится шкала близости типов к канонической лабильности: распределение словоизменяющих показателей > частичная лабильность > распределение словоклассифицирующих показателей > разделение по подпарадигмам.

Тема раздела 1.6.3 – немаркированная актанта деривация без изменения

переходности. В большинстве работ непереходностью для лабильности считается различие употреблений по переходности. Однако в действительности способность глагола менять актантную структуру и способность менять переходность – это два разных независимых свойства. Как оказалось, существуют некоторые классы глаголов – глаголы обучения, глаголы движения, фазовые глаголы, глаголы извлечения звука, – часто допускающие немаркированную деривацию без изменения переходности (ср. турецкий *başlamak* ‘начинать(ся)’ или русский *учить*: первый глагол непереходен в обоих употреблениях, второй имеет два переходных).

Данные процессы могут далее подразделяться на деривацию у переходных и у непереходных глаголов. Немаркированная деривация у переходных глаголов может затрагивать прямой объект (*учить **Васю** языку – учить **язык***) или не затрагивать его (*залить **пол** водой – вода залила **пол***). Первый тип явлений находится ближе к лабильности, так как меняет свойства обоих ядерных актантов ситуации (субъекта и прямого объекта).

Следовательно, изменения морфосинтаксической переходности и актантной структуры должны рассматриваться как независимые характеристики. Их совпадение обусловлено свойствами прототипического некаузативного пациентивного глагола, который является непереходным, и прототипической переходностью каузативного агентивного глагола. В то же время в языках типа русского совпадение переходности у употреблений облегчает немаркированную деривацию¹¹.

Во второй главе диссертации описываются семантические и диатетические типы лабильных глаголов. Под **диатетическим** типом понимается тип соотношения между актантными структурами употреблений глагола (например, ‘непереходный глагол’/‘каузатив от него’). Диатетические типы выделяются так же, как соответствующие маркированные актантные деривации. При описании каждого диатетического типа выделяются его ключевые свойства и свойства данного диатетического соотношения в целом. **Семантические** типы выделяются по общности значения пары употреблений в целом (например, глаголы движения).

Наиболее распространённым в языках мира является **декаузативный** (каузативный) тип лабильности, при котором одно из употреблений представляет собой каузатив от другого (ср. англ. *break* ‘ломать / ломаться’). Не случайно именно этот тип считался ключевым во многих исследованиях.

В литературе довольно подробно рассматривались ограничения на образование декаузатива (к примеру, в русском языке, имеющем продуктивный декаузатив на *-ся*, невозможно образование дериватов типа *заасфальтироваться, прочитаться, доказать* и др.). В частности, в работе [Haspelmath 1993] используется понятие **агентивных компонентов** в значении глагола: семантика глаголов типа ‘мыть’ подразумевает определённые действия агенса и не допускает декаузативации. Как считает автор, данный подход позволяет предсказывать возможность как маркированных каузативов, так и лабильности. Тем не менее, он сталкивается с определёнными трудностями.

Прежде всего, данный подход грозит логическим кругом: неясно, как выяснить, имеются ли в значении глагола агентивные компоненты, кроме как исходя из возможности декаузативации. Казалось бы, глагол ‘завязать’ подразумевает участие агенса (определённые движения рук человека), однако декаузативный дериват ‘завязаться’ возможен, например, в русском и адыгейском языках. В то же время ни в одном из них невозможен декаузативный дериват ‘мыться’ (в значении ‘становиться

¹¹ См., например, о глаголах обучения и движения в Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2006.

чистым’).

Кроме того, наличие агентивных компонентов в действительности зависит не только от ситуации, но и от конкретной лексемы конкретного языка: мы не можем гарантировать, что ни в одном языке нет глагола ‘открывать руками’, требующего агенса и не допускающего декаузативации. Во всяком случае, отсутствие таких лексем требует дополнительных объяснений. И наоборот, наличие у лексем со значением ‘мыть’ в разных языках агентивных компонентов не выводится в полной мере из семантики ситуации.

Наконец, проблемой является само понятие агенса. Так, глаголы с субъектом-стимулом (например, ‘пугать’) допускают двойное рассмотрение. С одной стороны, ни у одного из их употреблений нет собственно агентивного актанта (стимул не является прототипическим агенсом). С другой стороны, говорить о самопроизвольности при глаголах типа ‘пугаться’ нельзя: эмоции обязательно подразумевают стимул, то есть немыслимы без второго участника ситуации. Аналогичным образом обстоит дело с другими типами непрототипических агентов: например, с агенсом-инициатором при глаголах типа ‘жарить’. Данная ситуация, несомненно, содержит агентивные компоненты: необходим участник, каузирующий её возникновение. Тем не менее, он не участвует в ситуации на всём её протяжении, в силу чего декаузативация данных глаголов распространена в самых разных языках.

Л.И. Куликов¹² предлагает более конкретный подход к декаузативации: ядерным классом декаузативов он считает дериваты от глаголов деструкции (‘разбиться’, ‘порваться’, ‘слопаться’ и т.д.) и, шире, от глаголов, обозначающих возрастание энтропии (‘развязаться’, в отличие от ‘завязаться’). Данный подход не позволяет описать класс декаузативов в языках, где данная деривация продуктивна: речь идёт только о **прототипических**, но не обо всех **возможных** декаузативах.

По меньшей мере, ясно, что понятие самопроизвольности слишком сильное, чтобы объяснить все декаузативы. Скорее можно говорить о том, что в непереходных употреблениях лабильных глаголов и при декаузативных дериватах субъект **несуществен** для говорящего и благодаря этому может быть выведен из числа актанта¹³.

Другой важной проблемой является распределение способов маркирования каузативного отношения. Во многих работах замечалось, что для одних языков характерны пары с непроизводным непереходным и производным каузативным глаголом, а другие, напротив, образуют от исходных переходных глаголов декаузативы. В некоторых языках действуют оба механизма. Попытка объяснить распределение каузатива и декаузатива впервые была предпринята В.П. Недялковым¹⁴. В его работе (как и в более поздних исследованиях М. Хаспельмата и Е.А. Лютиковой)¹⁵ предлагается считать, что если прототипически ситуация возникает под влиянием внешнего каузатора (‘разбить’), исходным обычно является переходный глагол, а если прототипически она самопроизвольна (‘сохнуть’), исходным является непереходный глагол. Была построена так называемая шкала

¹² Kulikov L.I. Passive, anticausative and classification of verbs. The case of Vedic // Kulikov V., Vater H. (eds.). Typology of verbal categories. Papers presented to V.P. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Tübingen, 1998.

¹³ Подробнее о лабильности типа ‘жарить’ см.: Даниэль М., Майсак Т., Мерданова С. Каузативы, декаузативы и лабильность в агульском языке // Второй международный симпозиум по языкам Европы, Северной и Центральной Азии LENCA-II. Тезисы докладов. Казань, 2004. 153-156; Летучий А.Б. Лабильные глаголы в аккумулятивных языках. Дипломная работа. М., РГГУ, 2004.

¹⁴ Недялков В.П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Вардуль И.Ф. (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. 106-114.

¹⁵ Лютикова Е.А. Русские лабильные глаголы в типологической перспективе. Материалы к докладу на Ломоносовских чтениях. М., 2002.

самопроизвольности: в левой её части находятся самопроизвольные ситуации, обслуживаемые в языках мира каузативами, а в правой – несамопроизвольные, для которых характерна декаузативация:

замерзать-сохнуть-таять-гореть-наполняться-качаться-собираться-открываться-ломаться-сыпаться

В главе 2 проверяется применимость данной шкалы к лабильным глаголам: можно ли сказать, что для них также характерно расположение на некотором непрерывном участке шкалы и если да, то на каком. Выяснилось, что непрерывность совсем не обязательна. Языки нашей выборки распадаются на ведущие себя в соответствии со шкалой (французский, адыгейский), и те, для которых она не имеет предсказательной силы (лезгинский, русский), причём вторые составляют большинство. В языках типа русского, лезгинского, немецкого лабильные глаголы не занимают непрерывного участка шкалы, либо она вообще с трудом применима к ним.

В адыгейском языке лабильны почти исключительно глаголы правой части шкалы: *q_wəten* ‘разбить(ся)’, *zəpəç’ən* ‘сломать(ся)’, *zeʔetχən* ‘порвать(ся)’, *jəteq_wən* ‘рассыпаться(ся)’ и др. В левой части используется каузативный показатель, лабильность либо не возникает, либо крайне периферийна. Напротив, во французском языке лабильность регулярно возникает только в левой части шкалы (ср. *brûler* ‘гореть / жечь’, *fondre* ‘таять / растапливать’, *sécher* ‘сушить(ся)’). В правой части шкалы лабильные глаголы есть (ср. *casser* ‘разбить(ся)’), но также имеются синонимичные им нелабильные глаголы (*briser* ‘разбить’), кроме того, сами лабильные глаголы допускают присоединение декаузативного показателя (*se casser* ‘разбиться’).

Недостаток шкалы состоит, прежде всего, в том, что она учитывает только прототипически переходные глаголы воздействия на пациенс. Труднее упорядочить по самопроизвольности глаголы движения (‘идти’/‘вести’), глаголы с агенсом-инициатором или фазовые глаголы (‘начинать(ся)’), поскольку они часто не имеют ни прототипического агенса, ни прототипического пациенса – и само понятие самопроизвольности применимо к ним в меньшей степени.

Кроме того, признак самопроизвольности допускает две трактовки: (1) частота ситуаций, в которых (не) участвует агенс и (2) частота переходной и непереходной конструкций.

В первом случае можно говорить о степени **семантической** самопроизвольности. Упорядочить ситуации по этому признаку сложно, поскольку даже употребление непереходного глагола не всегда означает, что ситуация была полностью самопроизвольной: например, ситуация ‘таять’ явно зависит от характеристик окружающей среды. Также ситуацию осложняет наличие неагентивных субъектов (так называемых эффекторов): конструкции вида *Ветер разбил окно* не обозначают в полной мере самопроизвольной ситуации но не имеют агенса.

Второе понимание – так сказать, **текстовая** самопроизвольность – избавлено от таких противоречий, но сильно зависит от особенностей конкретной лексемы. К примеру, английские глаголы *die* и *kill*, в отличие от русских *умереть* и *убить*, могут употребляться при наличии внешней силы (*As a result of this disaster, twenty people died/were killed*). Тем самым, сопоставлять глаголы *die* и *умереть* как предполагающие одинаковую степень самопроизвольности нельзя.

Ещё одна проблема, связанная со шкалой, – её ориентированность на чистые инхоативно-каузативные пары: степень самопроизвольности определяется для пары лексем, а не отдельно для переходной и для непереходной. Однако существует немало сложных случаев, когда у некоторой ситуации нет точной пары, и часто это

проявляется именно на примере лабильных глаголов: глаголы русского разговорного языка *лить* ('лить / литься') и *гнать* ('гнать / бежать') в непереходном употреблении, по оценкам носителей, требуют гораздо более автономного пациенса, чем в переходном. Тем самым, часто требуется отдельно рассматривать два употребления глагола.

Поскольку понятие самопроизвольности неточно, а кроме того, лабильные глаголы часто не занимают непрерывного участка шкалы, неудивительно, что для многих языков ключевыми для распределения лабильных глаголов является не самопроизвольность, а другие параметры:

(1) свойства пациенса;

(2) тип агенса (агенса-инициатор/агенса-исполнитель).

Параметр (1) релевантен для таких языков, как лезгинский, агульский, с одной стороны, и древнегреческий, русский, арабский, отчасти новогреческий, с другой. Первые языки можно назвать системами с **пациентивной лабильностью** – прежде всего, в них лабильны глаголы деструкции и другие лексемы сильного воздействия на пациенс – как в правой части шкалы (ср. лезгинские глаголы *xin* 'ломать' *q0azunin* 'порвать(ся)') так и в левой (*kun* 'гореть / жечь'), но обычно не лабильны лексемы типа 'рассыпать', 'сохнуть' и т.д. Своеобразным тестом может служить лабильность глагола 'умереть / убить', лабильного именно в системах данного типа. По-видимому, к языкам с пациентивной лабильности преимущественно принадлежат эргативные языки – в силу выделенности в этих языках участника с ролью пациенса (при глаголах с прототипическим пациенсом этот актант выделен ещё сильнее).

Вторые языки – языки с **непациентивной лабильностью** – напротив, маркируют переходность у глаголов сильного воздействия на пациенс, но допускают лабильность за пределами этой группы. Так, русский и древнегреческий язык имеют только группы лабильных глаголов движения. Группы непациентивных лабильных глаголов (глаголы движения и фазовые глаголы) рассматриваются в части 2.2.

Самопроизвольность ситуации и затронутость пациенса связаны между собой – но первая характеризует ситуацию в целом, а вторая – свойства её участника. Как правило, при небольшом количестве лабильных глаголов для языка существенны свойства участника. При расширении класса лабильных глаголов связь с пациентивностью теряется – лабильность обобщается на весь участок шкалы. Однако даже после этого лабильность часто не захватывает непрерывного участка: так, в немецком языке не лабильны глаголы 'открывать' и 'сыпать', но лабильны другие глаголы на левом и правом концах шкалы.

Параметр (2) существен для таких языков, как литовский или французский, а также для типологии лабильности в целом. Одними из самых склонных к лабильности глаголов в выборке Хаспельмата являются глаголы 'кипеть / кипятить' и 'варить(ся)': они бывают лабильны даже в не склонных к лабильности языках типа удмуртского. Агенса этих ситуаций не контролирует их полностью, а только вызывает их возникновение, то есть является инициатором. В отличие от ситуаций типа 'сохнуть', для которых лабильность как раз нехарактерна, ситуации типа 'варить' **обязательно** требуют агенса-инициатора.

Тем самым, лабильность в подобных случаях возникает в силу близости «переходного» и «непереходного» вариантов ситуаций: каждый из них требует агенса, но в каждом из них агенса «неполноценен», так как не контролирует всей ситуации, что и позволяет объединить ситуации в одной лексеме. Особенно важно наличие языков типа литовского, где лабильны только глаголы с агенса-инициатором (*virtti* 'варить(ся)', *kepti* 'печь(ся)').

В дальнейшем анализируется значение для лабильности менее существенных

факторов - одушевлённости пациенса, аспектуальные свойства ситуации и тип каузации. Относительно типа каузации надо отметить, что согласно выводам М. Сибатани¹⁶, морфологические каузативы типологически часто выражают наиболее контактные типы каузации. Лабильные глаголы в данном случае отличаются от морфологических каузативов. Помимо контактного типа, они могут выражать каузацию типа **наблюдения** (агнс наблюдает за протеканием действия, ср. 'варить'), **социативного** типа ('вести', 'гнать') и т.д. При окказиональной каузативации в русском, македонском и других языках (ср. *Его ушли с работы*) переходные употребления выражают именно **наблюдение**.

Одушевлённость – более существенный признак. В полном соответствии с выводами Дж. Николз¹⁷, что для глаголов с одушевлённым пациенсом лабильность нехарактерна. Это связано с тем, что воздействие на одушевлённый пациенс менее прототипично для языка и часто затруднено, поэтому для его обозначения используется специальный каузативный показатель. Семантическое соотношение употреблений глаголов с одушевлённым пациенсом типа 'идти / вести' отличается от прототипического каузативного типа 'ломать / ломаться': прототипические непереходные одновалентные декаузативы имеют неодушевлённый актанта. Именно глаголы с одушевлённым пациенсом, по выборке М. Хаспельмата, демонстрируют наибольшую склонность к супплетивизму, а следовательно, к автономной концептуализации каждой ситуации (даже в английском языке значения типа 'умереть' и 'убить' выражаются разными основами). Только глаголы с одушевлённым пациенсом, принадлежащие к нескольким узким семантическим группам – движения, обучения – могут становиться лабильными.

Наконец, аспектуальные свойства лабильных глаголов иногда отличаются от предполагаемых в работе Хаспельмата. Как правило, имеется в виду, что два употребления глагола тождественны по аспектуальным свойствам. В действительности часть лабильных глаголов могут быть стативами в непереходном употреблении: ср. 'вешать / висеть'.

Тем самым, декаузативная лабильность не описывается шкалой самопроизвольности. Существенны ещё и свойства участников – агенса и пациенса. Именно поэтому важно, что лабильность часто характеризует непрототипически переходные глаголы.

Под рефлексивной лабильностью подразумеваются случаи, когда одно из употреблений семантически является рефлексивом от другого. Продуктивные показатели рефлексива могут сочетаться с очень широкими классами глаголов, однако класс рефлексивно-лабильных лексем существенно уже. Это прежде всего глаголы «ухода за телом» типа 'мыть(ся)', 'брить(ся)', 'одевать(ся)'.

Как правило, рефлексивный тип не является в языке преобладающим, однако встречаются и исключения: в алюторском языке чукотско-камчатской группы преобладает именно он (ср. *ilyatav-* 'умывать / умываться', *tivla-* 'отряхиваться / выбивать палкой', *ujp-* 'резаться, колоться, сажать занозу / втыкать, нанизывать', *psesawa=psētawa-* 'разуваться / разувать'). Другими примерами языков с рефлексивной лабильностью являются финно-угорские и тюркские. С другой стороны, даже в богатых системах – например, немецкой или французской, рефлексивно-лабильных глаголов может не быть.

В работе показано, что рефлексивная лабильность опровергает заключение В.

¹⁶ Shibatani M. and P. Pardeshi. The causative continuum // Shibatani M. (ed.). The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. Amsterdam: Benjamins, 2002. 85-127.

¹⁷ Nichols J., Peterson D.A., Barnes J. Transitivity and detransitivizing languages // Linguistic Typology, 8, 2004. 149-211.

Дроссарда о том, что А-лабильность характерна прежде всего для аккумулятивных языков. Рефлексивная лабильность, традиционно считающаяся одним из видов А-лабильности, часто встречается в эргативных языках (чукотско-камчатских и дагестанских).

Реципрокальная лабильность распространена ещё меньше. Возможно, это связано со сложным соотношением между переходным и непереходным употреблениями. Помимо английского, она встречается в финно-угорских языках и арабском. Мы делим этот тип на два подтипа – собственно реципроки (эстонский глагол *suudlema* ‘целоваться’) и глаголы симметричных ситуаций (араб. *iltaqa:* ‘встречаться’), которые даже в переходном употреблении обозначают взаимную ситуацию (если X встречает Y, это автоматически означает, что и Y встречает X). При лабильности данных глаголов два употребления различаются степенью важности взаимного компонента.

В нашей работе мы также выделяем **конверсивную лабильность**, ранее не отмеченную в литературе. При данном типе каждое из употреблений глагола имеет два синтаксических актанта. Соотношение между ними близко к каузативному, но не подразумевает собственно каузации (ср. ‘пахнуть / нюхать’, ‘любить / нравиться’). Данный тип показывает, что лабильность не обязательно требует различия употреблений по количеству актантов. Как правило, к этому типу относятся глаголы эмоций (ср. болгарский глагол *харесвам* ‘любить / нравиться’, немецкий *erschrecken* ‘пугать / бояться’).

Тем не менее, существуют и глаголы других семантических классов: ср. хакас. *xīšip-* ‘чесать / чесаться (что у кого)’, тадж. *mexorad* ‘чесать(ся)’, франц. *sentir* ‘пахнуть / нюхать’.

В отличие от всех прочих классов, данный тип лабильности обусловлен другими факторами: ни один из актантов не является прототипическим агенсом или пациенсом. Два употребления представляют собой два варианта концептуализации: при одном активным участником считается стимул, а при другом – экспериенцер.

Последний тип лабильности является немаркированным аналогом пассива. В то же время прототипических немаркированных пассивов в языках мира, за исключением африканских, не встречается. Близкими к ним явлениями мы считаем **несамостоятельные действия, стативы** и безагенсные пассивы.

Под самостоятельными действиями подразумеваются случаи типа немецкого *treiben* ‘нести/быть несомым волнами’. Их немаркированные употребления по семантике близки к декаузативам, но включают компонент внешнего воздействия, что полностью противоречит выводам М. Хаспельмата. По-видимому, это один из путей возникновения лабильности, если агенс неустраним из семантики ситуации.

Стативы описывались в разделе о декаузативной лабильности. Однако кроме «ингерентных стативов» типа ‘вешать / висеть’, в некоторых языках, (в особенности в африканских), такую же лабильность демонстрируют и другие глаголы: ср. глаголы *taka* ‘создавать (о Боге) / ‘быть созданным (Богом)’, *husu* ‘быть проклятым / проклинать’ в языке сонгай или *gweš’an* ‘делить / делиться (о числе)’ в адыгейском. Аналогичные случаи встречаются в библейском иврите. Как и пассивы, стативы подразумевают (во всяком случае, не исключают) участие агенса в динамической фазе ситуации, но в стативной фазе агенс не участвует. Стативная лабильность, так сказать, является другой стратегией устранения агенса: непереходный глагол описывает фазу, в которой агенса уже нет.

Наконец, безагенсные пассивы встречаются в берберском кабийском. В данном языке развита как лабильность типа ‘погребать / быть погребённым’, так и морфологический пассив с префиксом *ta-*; различие состоит в том, что только при

маркированном пассиве может быть выражен агенс.

Часть африканских языков (прежде всего, манде) имеют и лабильность чистого пассивного типа (ср., например, бен, бамана и др.), однако она в целом крайне редка.

В качестве примыкающего к лабильности явления мы рассматриваем колебания глаголов между личной и безличной моделями (ср. нем. *Ich friere/Mich friert* 'я мёрзну'). Два употребления различаются падежом актанта, хотя, возможно, в обоих случаях его стоит рассматривать как субъект¹⁸.

В заключение типы лабильности упорядочиваются по частотности:

декаузативная > рефлексивная, конверсивная > реципрокальная > пассивная

Наиболее значимы различия между декаузативным и всеми остальными типами: декаузативный тип, с одной стороны, затрагивает значительно больше глаголов, а с другой, встречается в гораздо большем числе не связанных между собой языков. Мы объясняем это тем, что рефлексивное и реципрокальное значение делают ситуацию непрототипической для большинства глаголов, а конверсивное возможно только с ограниченным классом глаголов. Наконец, пассивное значение не меняет семантику ситуации. Можно констатировать, что лабильность **сводит воедино близкие, прототипические, но денотативно различные ситуации**. Этим критериям в наибольшей мере удовлетворяет декаузативный тип.

Из этого следует также, что только декаузативный тип делится на подтипы. По распределению по языкам они примерно эквивалентны каждому из остальных типов, что естественно: по сути, все остальные типы затрагивают узкую семантическую группу глаголов.

Распределение типов лабильности отличается от распределения значений показателей деривации: в частности, немаркированный аналог пассива распространён гораздо меньше, чем собственно пассив. Значительно опережает остальные типы декаузативная лабильность, тогда как в сфере показателей деривации нельзя говорить о заметном преобладании показателя декаузатива и каузатива над остальными.

Наконец, в данном разделе было показано, что понятие самопроизвольности не всегда объясняет распределение лабильных глаголов – в большей мере оно зависит от свойств конкретных партиципантов.

Второй раздел посвящён семантическим группам лабильных глаголов: глаголам движения и фазовым глаголам. Мы показываем, что их лабильность часто невозможно предсказать исходя из знаний о декаузативной или рефлексивной лабильности: в языках типа русского или греческого лабильны фактически только глаголы движения:

Древнегреческий:

(4) *Ballo belos* 'Я бросаю стрелу' — *Potamos eis ala ballei* 'Река впадает в море', ср. также русские глаголы *катить* 'катить / ехать', *кружить* 'кружиться / каузировать кружиться', *гнать* 'каузировать бежать / разг. бежать' и т.д.

В тюркских языках, где лабильных глаголов практически нет, лабильны иногда бывают только фазовые глаголы. В болгарском языке, имеющем небольшой класс лабильных глаголов, все фазовые глаголы лабильны (ср. *свършиа* 'закончить(ся)', *продължавам* 'продолжать(ся)', *започна* 'начать(ся)').

Лабильность этих глаголов связана именно с их отклонениями от прототипа переходности: обе группы не имеют прототипического пациенса (фазовые глаголы даже не имеют вещественного объекта). Субъект-каузатор фазовых глаголов и многих

¹⁸ О непрототипическом маркировании субъекта см. сборник: Aikhenvald A., Dixon R.M.V., Onishi M. (eds.). Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam: Benjamins, 2001. В частности, как замечено в статье М. Хаспельмата в этом издании, в современных европейских языках имеет место дрейф от непрототипического маркированию субъекта к прототипическому.

глаголов движения при переходном употреблении вовлечены в каузируемую им ситуацию (ср. *Учитель начал урок* ‘учитель каузировал урок начаться, участвуя в ситуации урока’). Следовательно, субъект и объект ближе по свойствам, чем при прототипически переходных глаголах. При фазовых глаголах, например, оба употребления обозначают изменение фазы ситуации (*Начался урок* = ‘началась ситуация «урок»’, *Учитель начал урок* = ‘началась ситуация «учитель ведёт урок»’).

При глаголах движения оба актанта часто совершают одни и те же действия: ср. русский глагол *катить* ‘каузировать катиться; ехать’, где оба актанта переходного употребления и субъект непереходного находятся в движении – и, следовательно, не слишком сильно противопоставлены по своим свойствам.

Лабильность агентивных глаголов движения во многом близка к А-лабильности: субъектом обоих употреблений является агенс. Однако отличие состоит в том, что по роли в ситуации этот агентивный участник совпадает с пациенсом переходного употребления: ср. ‘гнать X’ (‘каузировать X двигаться’) – ‘гнать’ (‘бежать, быстро двигаться’). Это показывает неточность бинарного деления на А- и Р-лабильность.

Лабильность глаголов движения имеет ещё одну важную особенность: несмотря на то, что в непереходном употреблении они обозначают **самопроизвольную ситуацию** (‘бежать’, ‘ехать’, ‘кружиться’), чаще всего их непереходные употребления производные от непереходных. Заметим, что выводы М. Хаспельмата предсказывают обратное, если считать, что производность употреблений в случае лабильности подчиняется тем же законам, что и производность декаузативного или каузативного деривата.

Итак, лабильность мотивируется не только свойствами участников, но и лексической семантикой глагола. Эта мотивация значительно сильнее, чем у сочетаемости грамматических показателей. Особенно сильно семантически мотивированная лабильность развита в аккузативных языках с малым числом лабильных глаголов. Это подтверждает, что лабильность занимает промежуточную позицию между семантической деривацией и грамматическими процессами. Существенно, что лабильность характерна не только для прототипически переходных глаголов: напротив, в некоторых языках, для которых лабильность нехарактерна, лабильны глаголы с **низкой** семантической переходностью (фазовые и глаголы движения), два употребления которых близки между собой).

Третья глава посвящена связи лабильности со свойствами языковой системы и классификации систем лабильных глаголов.

Прежде всего, мы показываем, что необходима классификация систем лабильных глаголов. Это важно, поскольку лабильность не описывается с помощью односторонних импликатур: невозможно выделить класс глаголов, лабильный в любом языке, где есть лабильные глаголы (например, в адыгейском и русском классы лабильных глаголов не пересекаются). Группы лабильных глаголов сильно варьируют. С другой стороны, в отличие от класса супплетивных пар, класс лабильных глаголов может быть довольно велик.

Типология систем позволяет выделить факторы, управляющие лабильностью: сама по себе лабильность некоторого глагола Р языка L не позволяет судить, какие его свойства обеспечивают лабильность – необходимо рассмотреть целый класс глаголов. Далее рассматриваются такие параметры систем, как **количество лабильных глаголов, преобладающий диатетический класс, связь лабильности с производностью глагола, сочетаемость лабильных лексем с показателями, ядерные / периферийные системы, гомогенные / гетерогенные системы.**

Количество лабильных глаголов – наиболее простой параметр, но и он связан с

двумя проблемами: (1) производными глаголами и (2) неполноценной лабильностью. Как правило, в исследованиях рассматриваются непродуцируемые лабильные глаголы. В действительности большую часть словаря могут составлять производные лексемы – в этом случае неясно, следует говорить о лабильности глагола или о «лабильности» грамматического показателя. С другой стороны, лабильность можно считать градуальным параметром: глаголы типа 'уйти', одно из употреблений которых окказионально, – неполноценные представители этого класса. К ним же относятся глаголы, для которых существует маркированный вариант одного из употреблений, встречающийся чаще.

Среди диатетических классов обычно преобладает декаузативный – некоторые исключения обсуждались выше. Если эта тенденция не соблюдается, обычно речь идёт либо о системе с неразвитой лабильностью, либо, наоборот, с очень развитой (английский, чукотский). В некоторых случаях это связано с системой классов спряжения (например, в мордовском языке, где рефлексивизация выражается меной типа согласования с объектного на субъектный).

Сочетаемость лабильных лексем с показателями подробнее обсуждается в части 3.1. Отметим, что чем лучше лабильные лексемы допускают маркированные показателями варианты, тем меньше язык или группа глаголов в нём склонны к лабильности (ср., например, французский и адыгейский – во втором языке лабильность развита в большей мере, и существует большая группа лабильных глаголов, не сочетающихся с показателем каузатива в непереходном употреблении).

Гомогенной системой называется такая, где лабильные глаголы объединяются в одну или небольшое количество семантических групп: например, глаголы деструкции. Напротив, в гетерогенных системах лабильные глаголы распределены по разным небольшим классам. Именно большие гомогенные системы следует считать наиболее склонными к лабильности: в этом случае лабильность очень близка к показателям деривации (например, для показателя каузатива характерны большие гомогенные классы глаголов, с которыми он сочетается). Напротив, малые гетерогенные системы характерны для языков, где лабильность не распространена: в значительной мере она является случайностью, обусловленной свойствами отдельной лексемы, а не класса (ср. болгарский язык). Малые гомогенные системы встречаются в языках разных типах (ср. лезгинский и древнегреческий), и их свойства зависят от степени близости лабильности к ядру переходных глаголов. Гетерогенность коррелирует с другими параметрами: французская система, где лабильные глаголы лучше сочетаются с показателями, чем в адыгейском, также более гетерогенна (помимо глаголов деструкции, лабильны глаголы движения).

Ядерными называются системы, где лабильность характеризует класс прототипически переходных глаголов (то есть, прежде всего, глаголы с прототипическим пациенсом и агенсом-исполнителем): прежде всего, сюда попадают лезгинский, агульский, немецкий языки. В периферийных системах лабильный класс включает, прежде всего, непрототипически переходные глаголы. Так, во французском языке периферийная лабильность развита больше, чем в немецком. Ядерные гомогенные системы (даже малые) считаются более склонными к лабильности, чем ядерные гетерогенные, поскольку лабильность имеет чёткие ограничения на сочетаемость. В периферийных гомогенных системах лабильность обычно связана с лексической семантикой глаголов, то есть находится ближе не к грамматическим явлениям, а к семантическим переходам (ср. глаголы движения в русском и древнегреческом). Большие ядерные гомогенные системы встречаются, в основном, в кавказских языках (ср. адыгейский).

Поскольку параметры систем коррелируют между собой, можно выделить

«европейский» класс систем, где лабильность характеризует производные, периферийные глаголы и часто не исключает присоединения показателей актантажной деривации, и «кавказский», где она характеризует ядро непереходных глаголов и иногда исключает показатели актантажной деривации. В первом случае лабильность близка к лексическим процессам, обусловленным сходством в лексической семантике, во втором – к грамматическим. Это позволяет объяснить случаи типа ‘лить’ в русском языке: субъекты обоих употреблений непацентивны, и это мотивирует лабильность.

В таблице приводятся классы лабильных глаголов для некоторых из рассматриваемых языков: «+» обозначает, что для данного класса лабильность характерна, «-» – что она нехарактерна, +/- – что она характеризует только некоторые глаголы данного класса.

Распространение лабильности по семантическим классам.

Группа	глаголы с прототип. пациенсом	фазовые глаголы	глаголы движения	глаголы с агенсом-инициатором
Английский	+	+	+	+
Немецкий	+	+	+/-	+
Французский	+/-	+	+	+
Литовский	-	-	-	+
Латынь	-	+	+/-	-
Тюркские	-	+/-	-	-
Болгарский	-	+	+/-	-
Другие слав.	-	-	+	-
Америндские	+	-	-	+(-)
Арабский	-	+	-	-
Финно-уг.	-	+/-	-	+
Адыгейский	+	+/-	-	-
Нахско-даг.	+	-+	+	+
Древнегреч.	-	-	+	-

После этого мы рассматриваем зависимость лабильности от различных черт языковой системы. В различных исследованиях рассматривались такие признаки, как строй языка, система и природа показателей¹⁹, система противопоставления по переходности, развитость продропа²⁰ и устройство глагольной словоформы.

Строй языка действительно сильно связан с лабильностью. Во многих исследованиях лабильность считалась свойством, прежде всего, эргативных языков, но на самом деле эргативность влияет не на объём класса лабильных глаголов (такие языки, как эргативный лезгинский и аккузативный болгарский, эргативный адыгейский и аккузативный немецкий имеют одинаковое количество лабильных глаголов), а на его состав. В эргативных языках лабильность затрагивает ядро класса переходных глаголов, а в аккузативных – его периферию. Во многом это связано со значимостью для глагола в эргативных языках пациенса. Наличие прототипического пациенса сближает два употребления глагола. В аккузативных языках два употребления сближаются скорее за счёт агентивности субъекта, как, например, при глаголах движения.

Однако даже эти тенденции соблюдаются не полностью: в чукотско-камчатских языках классы лабильных глаголов устроены иначе. Видимо, следует говорить об ещё одном факторе – **типе противопоставления по переходности** (в наибольшей мере

¹⁹ См. о зависимости лабильности от отсутствия показателя декаузатива в Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980.

²⁰ Vajda E. Active Alignment and Morphological Transitivity. Материалы к докладу на конференции “Typology of active/stative languages”. Leipzig, 2005.

оно семантически мотивировано в кавказских эргативных языках). Лабильность при таком противопоставлении захватывает ядро семантически переходных глаголов, являясь своего рода критерием прототипической переходности.

Состав показателей деривации в чистом виде не позволяет предсказать лабильность – так, в европейских языках, которые все имеют только показатели понижающей деривации, объём класса лабильных глаголов существенно различается. Важным параметром является степень грамматикализации (морфологизации) показателей: как отражено на схеме, при усилении грамматикализации уменьшается склонность языка к лабильности:

Наибольшая морфологизация и грамматикализация наблюдается в латыни и древнегреческом (показатели входят в систему спряжения глагола), где лабильных глаголов практически нет. Тем самым, в истории индоевропейских языков произошёл переход от систем с медиальным и активным типами спряжения (и показателями дериваций) к системам с лабильностью и показателями дериваций.

Ещё один близкий фактор – наличие маркирования переходности. В языках, где оно наблюдается (баскском, картвельских, атабаскских), обычно нет лабильных глаголов – как правило, разделение по переходности не знает исключений, в отличие от маркирования актантных дериваций.

Системы без лабильности (картвельские, тюркские языки) появляются в языках с продуктивными понижающими и повышающими показателями. Однако арабский язык, также имеющий оба типа показателей, содержит лабильные глаголы, что связано с менее жёсткими ограничениями на переходность и актантную структуру производных глаголов.

Не влияет на лабильность прямо и **склонность языка к продропу** (опущению местоимений). Если в русском языке наблюдается продроп подлежащего при почти полном отсутствии лабильности, а в английском – напротив, только лабильность, имеются опровергающие примеры. И субъектный продроп, и лабильность в болгарском языке развиты больше, чем в русском. В адыгейском языке оба явления очень продуктивны. В действительности лабильность и продроп – явления совершенно разной природы: продроп возникает, как правило, когда согласование глагола даёт возможность восстановить опущенный объект и не приводит к неоднозначности, а лабильность – когда язык не имеет средств маркирования актантных дериваций (то есть, напротив, при недостатке механизмов различения употреблений). Впрочем, часто отсутствие показателей деривации и согласования характерно для одного и того же языка, что и приводит к появлению случаев типа английского.

Тип словоформы влияет на лабильность в том смысле, что и полисинтетические, и изолирующие языки склонны к лабильности, но по разным причинам. Первые допускают её из-за наличия различающих показателей, вторые – из-за их полного отсутствия (заметим, что часто такие языки не различают даже частей речи). Тем не менее, полисинтетические языки сильно различаются между собой.

Тем самым, в наибольшей мере на лабильность влияют система показателей актантной деривации и строй языка. Как правило, к лабильности склонны языки средневропейского стандарта (не слишком грамматикализованные показатели, аккузативный строй, периферийная лабильность) и среднекавказского стандарта

(отсутствие показателя каузатива, эргативный строй, ядерная лабильность). Особый случай представляют африканские языки, где лабильность относится к другим типам, нежели в Евразии.

Языковые ареалы также можно охарактеризовать по их склонности к лабильности. Вывод Дж. Николз: «лабильность встречается, прежде всего, в Евразии» – и сужает, и расширяет реальный ареал распространения лабильности. Как уже было сказано, наиболее характерна лабильность для трёх ареалов: средневропейского, кавказского и африканского – в то же время для тюркских и семитских языков она крайне нехарактерна. С другой стороны, в языках Полинезии и Южной Америки также встречаются лабильные глаголы – причём во втором ареале системы бывают и ядерными.

Можно отметить несколько проявлений ареальной природы лабильности:

- (1) лабильность во французском языке, находящемся в контакте с германскими, развита больше, чем в других романских;
- (2) во всех южноевропейских языках лабильность развита средне;
- (3) балтийские и восточнославянские языки почти не имеют лабильности;
- (4) наконец, самые разные группы африканских языков: берберские (кабийский), нило-сахарские (сонгай), нигер-конго (манде) имеют развитую лабильность, причём в большой степени пассивную и стативную.

Ещё один аспект взаимодействия лабильности с системой языка – соотношение лабильности с показателями актантной деривации: вопреки тому, что во многих работах они считались дополнительно распределёнными, это не так. Во многих системах часть глаголов допускают, а часть не допускают образование каузативных и декаузативных дериватов. Выделены следующие основные типы распределения маркированных и немаркированных вариантов:

- (1) аспектуальный: при лабильном глаголе и деривате акцент на разных фазах события;
- (2) актантный: различные типы агенса и пациенса;
- (3) деривативный: различия в типах актантных дериваций.

Примером **аспектуального** распределения могут быть противопоставления в нидерландском и французском языках: при маркированном декаузативе фокус находится собственно на результирующем состоянии.

Деривативные различия связаны с полисемией показателей деривации: часто обнаруживается, что одни из употреблений иерархически выше других: ср., например, немецкие примеры, где немаркированный декаузатив противопоставлен маркированному рефлексиву:

- (5) а. *Er stürzte sein Glas hinunter* ‘Он допил свой стакан’ (букв. ‘перевернул’);
б. *Er stürzte hinunter* ‘Он упал с высоты’;
в. *Er kletterte auf einen sehr hohen Berg und stürzte sich hinunter* ‘Он забрался на очень высокую гору и бросился вниз’.

Распределение маркированных и немаркированных вариантов различается в зависимости от того, с какими показателями они конкурируют – с показателями повышающей или понижающей деривации:

- ❖ в языках с понижающими деривациями типе непереходное употребление (6а) в меньшей степени соответствует прототипу декаузатива, чем маркированные декаузативы (6б): в русском языке при лабильности глаголы более агентивны:
(6) а. *По улице катит машина.*
б. *По дороге катится мяч.*
- ❖ в языках с повышающими деривациями переходное употребление (7а) в меньшей степени похоже на прототипический каузатив, чем маркированные

каузативы (7b): в адыгейском языке при лабильности акцент делается на результирующей фазе:

- (7) a. хərbəzə-m žane-r je-wəʃwejə zepətə
 арбуз-ERG платье-ABS 3SG.A-пачкать всегда
 ‘Арбуз всегда пачкает одежду’ (каузатор не существует);
- b. хərbəzə-r arə s-jə-žane z-jə-ke-wəʃwejə-ke-r
 арбуз-ABS FOC 1SG-POSS-платье RFL-3SG.A-CAUS-пачкать-PAST-ABS
 ‘Именно арбуз испачкал мне одежду’ (каузатор выделен).

По-видимому, лабильность обозначает недифференцированные характеристики ситуации, получающие более определённую интерпретацию в зависимости от языковой системы.

Актантный тип соотношения иллюстрируется русскими примерами (6a) и (6b): при маркированном декаузативе субъект более пациентивен, чем при немаркированном.

В то же время существуют лабильные глаголы, не сочетающиеся с показателями:

- (8) a. čaške-r qwəta-ke
 чашка-ABS разбиться-PAST
 ‘Чашка разбилась’;
- b. čaške-r se-qwəte
 чашка-ABS 1SG.A-разбить
 ‘Я разбиваю чашку’;
- c. *čaške-r z-ke-qwəte
 чашка-ABS 1SG.A-CAUS-разбить
 ‘Я разбиваю чашку’.

Это может быть связано с производностью одного из употреблений.

Конкуренция лабильности и показателей актантной деривации может быть описана с помощью аппарата, введённого Ф. Акерманом и Дж. Муром²¹ для каузативных конструкций: авторы показали, что существует два типа языков. В одних языках субъект каузируемой ситуации при фактитивном и пермиссивном каузативе кодируется разными способами – тем самым, различие типов каузации одной ситуации (синтагматический принцип) важнее, чем противопоставление типов глаголов (парадигматический принцип). В других языках фактитивная и пермиссивная конструкции совпадают, и главным является противопоставление субъектов каузируемой ситуации при каузативах от разных типов глаголов.

Аналогичным образом, в одних языках лабильность разграничивает, прежде всего, разные глаголы (то есть семантически различные ситуации), не различая более и менее пациентивных вариантов ситуации (например, так происходит в адыгейском языке у глаголов правого конца шкалы самопроизвольности) – то есть преобладает парадигматический принцип. Напротив, в случаях типа русского важно различие вариантов одной и той же ситуации – декаузативного и «лабильного» (ср. *катить* и *катиться*, *лить* и *литься*) – между собой – синтагматический принцип.

В следующей таблице некоторые из исследуемых систем характеризуются по степени сочетаемости лабильных глаголов с показателями актантной деривации.

Сочетаемость лабильных глаголов с показателями актантной деривации.

Язык	Сочетаются с показателями	Не сочетаются
Адыгейский	Глаголы с непрототипическим пациенсом	Глаголы с прототипическим пациенсом
Немецкий	Немногочисленные	Остальные: с агенсом-инициатором, с прототипическим пациенсом
Французский	Большинство	Глаголы с агенсом-инициатором

²¹ Ackerman F., Moore J. Proto-properties and grammatical encoding. Stanford, 2001.

Болгарский	все	–
Русский	все	–
Агульский	все	–
Годоберинский	распределение по семантике глаголов	

Связь лабильности со свойствами языковой системы также выражается в том, что часто лабильными бывают **производные** глаголы. Это связано со свойствами конкретных показателей, а также с общей тенденцией: при формальной производности глагола в его значении фокусируются смыслы, вводимые показателем.

Итак, лабильные глаголы можно и нужно классифицировать как систему. Её свойства зависят от свойств грамматической системы в целом. Хотя эта зависимость не абсолютная, системные характеристики влияют на характер лабильности: чем сильнее конкуренция лабильности с показателями деривации и чем слабее семантическая мотивированность переходности в языке, тем ближе лабильность находится к лексическим процессам. В обратном случае лабильность приближается к явлениям грамматики. Свойства систем лабильных глаголов коррелируют между собой и позволяют определять степень «лабильности» того или иного языка. С другой стороны, непрототипически переходные лабильные глаголы (например, глаголы движения) могут возникать в самых разных языках, практически независимо от свойств их грамматики.

В четвертой главе рассматриваются диахронические свойства лабильности. Этот аспект особенно труден для изучения: в силу отсутствия показателей деривации невозможно достоверно установить связь лабильности разных групп глаголов между собой. Тем не менее, можно говорить о некоторых закономерностях её развития.

В частности, можно выделить исходное и производное употребления лабильных глаголов. Мы выделяем следующие критерии: (1) объём употребления; (2) абстрактность / конкретность; (3) сочетаемость с показателями деривации; (4) деривативная первичность; (5) модели управления однокоренных глаголов; (6) положение на шкале самопроизвольности; (7) семантические особенности; (8) унификация значения.

Как указано в исследовании М.А. Даниэля, Т.А. Майсака и С.Р. Мердановой «Каузативы, декаузативы и лабильность в агульском языке», если одно из употреблений имеет более широкое значение, чем другие, его стоит считать исходным. Этот критерий работает для агульского языка. Тем не менее, в ряде случаев типа адыгейского *zebħarəteq_wən* ‘рассыпать(ся); разрушиться’ он даёт неверные результаты: глагол в непереходном употреблении охватывает больший спектр ситуаций, но первично, видимо, переходное употребление (поскольку глагол образован добавлением локативного префикса от *teq_wən* ‘бросить’).

Критерий конкретности позволяет оценивать случаи типа *примкнуть*: его непереходное употребление (*примкнуть к партии*) более абстрактно, чем редкое переходное (*примкнуть штык*), которое и стоит считать исходным.

Сочетаемость с показателями деривации в качестве критерия предлагалась в [Kibrik 1991]²²: часть годоберинских глаголов сочетается с показателем каузатива только в непереходном, а часть – в переходном употреблении. Впрочем, как мы показали выше, такое строгое распределение встречается редко. Кроме того, показателен скорее случай, когда с каузативным показателем не сочетается **переходное** употребление – сочетаемость непереходного употребления иногда

²² Kibrik A.A. Transitivity in Godoberi. In Kibrik A.E. (ed.). Studies in Godoberi. München: Lincom Europa, 1996.

зависит от принципа экономии: дериват в этом случае синонимичен переходному употреблению лабильного глагола. К примеру, в адыгейском языке в переходном употреблении с показателем каузатива сочетаются все лабильные глаголы.

Деривативная первичность позволяет считать при рефлексивной и реципрокальной лабильности исходными нерефлексивные и нереципрокальные употребления: целесообразнее считать, что при рефлексиве и реципроке значение усложняется, а не упрощается при переходе к другому употреблению.

Критерий модели управления однокоренных глаголов действует в случаях, когда лабильны не все глаголы словообразовательного гнезда: например, лабильные глаголы *повернуть*, *свернуть*, *завернуть* имеют однокоренные переходные *перевернуть*, *вывернуть*, что позволяет считать исходным именно переходное употребление. Аналогичным образом, адыгейский глагол *zebɣəɾətɛq_wən* 'рассыпать(ся)' образован от переходного *teq_wən* 'бросать, сыпать', и наоборот, болгарский *спадам* 'уменьшать(ся)' – от непереходного *падам* 'падать, уменьшаться'.

Под унификацией значения понимаются случаи типа русских глаголов движения *катить*, *мчать*, *кружить*, *двигать*, *гнать*, *повернуть*: в переходном употреблении их семантика сильно различается. При непереходном употреблении все они обозначают более или менее активное движение. Правомерно говорить о производности непереходного употребления, при котором значение глаголов унифицируется.

Семантические особенности характеризуют, например, такие случаи, как английские окказиональные каузативы (*blossom* 'цвести / каузировать цвести'), при которых объект обычно является частью субъекта. Переходное употребление, обладающее непрототипическими семантическими компонентами, следует считать производным производно. Аналогичным образом, греческий глагол *ballo* 'бросать / впадать' характеризуется непрототипическим соотношением употреблений. Глагол 'бросать' обычно не является каузативом, следовательно, нужно предположить, что переходное употребление исходно.

Наконец, существенно положение глагола на шкале самопроизвольности: можно руководствоваться тем, в «каузативной» или «декаузативной» части располагается глагол. Если (1) в языке есть только показатель каузатива (декаузатива) и (2) глагол расположен в части шкалы, которая обычно им не обслуживается, стоит считать, что немаркированная деривация направлена противоположно маркированной.

Тем самым, хотя лабильность сильно отличается от морфологически выраженной актантной деривации, о полной симметрии употреблений говорить нельзя. При этом встречаются случаи, когда выделить исходное употребление нельзя.

С другой стороны, можно проследить развитие системы лабильных глаголов в целом. Так, в индоевропейских языках количество лабильных глаголов увеличилось и на уровне групп в целом (например, романских и германских) и на уровне отдельных языков (например, от древнерусского к русскому). В нашей работе мы сравниваем модели управления латинских, итальянских и французских глаголов. В обоих современных языках лабильность развита сильнее, чем в древнем.

Помимо количества лабильных глаголов, меняется и состав их класса. В современных европейских языках (особенно немецком и французском, отчасти в новогреческом) лабильными стали несамопроизвольные прототипически переходные глаголы. Напротив, в эргативных кавказских языках даже при небольшом классе лабильных глаголов в него входят прототипически переходные глаголы. Это заставляет предположить, что исходным является именно этот класс.

Наконец, в данной главе мы рассматриваем пути возникновения лабильности у лексем и в системе в целом, выделяя следующие:

1. Фонетическое уподобление (совпадение глаголов в германских языках).

2. Системная унификация основ. В хваршинском языке произошло распространение мультипликативной непереходной основы на все контексты. В результате возникла лабильность. Совпадение типов может иметь место и на уровне отдельных лексем. К примеру, в классической латыни существовали переходный глагол *pendēre* ‘вешать’ и непереходный *pendēre* ‘висеть’. Во французском языке различие в типах исчезло, что привело во французском к лабильности *pendre* ‘висеть / вешать’.

3. Опущение показателя. В латыни, древнегреческом и древнеанглийском языках возвратный показатель, образовавший непереходный глагол, позднее мог опускаться: ср. лат. *agere* ‘вести’, *se agere* ‘идти’, позд. *agere* ‘идти’, что приводило к лабильности.

4. Опущение объекта. При русских глаголах типа *спустить* (*шина спустила – хулиганы спустили шины*) лабильность возникает в силу реинтерпретации опущения объекта.

Такие опущения связаны с тем, что ситуация типа ‘спустить’ практически всегда имеют одинаковые объекты (вода, воздух). При этом субъект непереходного употребления *спустить* неагентивен, что создаёт возможность для вторичного каузативного употребления.

Аналогичную мотивацию имеет лабильность глаголов движения типа *гонять*, только перед опущением объекта он понижается в статусе (ср. *гонять мяч – гонять мотоцикл – гонять на мотоцикле – машины гоняют*).

5. Опущение субъекта

Напротив, в части случаев лабильность возникает при переосмыслении опущения субъекта. Так, в исландском языке часть пациентивных непереходных глаголов имеют аккузативный субъект²³:

- (9) a. þeir fylla bátinn
они заполнять(ся).PAST лодка:ACC
‘Они заполнили лодку’;
b. bátinn fyllir
лодка:ACC заполнять(ся).PRES
‘Лодка заполняется’ (аккузативный субъект).

Следует считать, что вначале происходит опущение субъекта, а затем он исчезает из семантики ситуации.

Аналогичные процессы предшествуют варьированию личной и безличной диатез при глаголах типа *саднить* или *заклинить* моделям типа (9) предшествовали модели вида *Рана саднит кожу*:

(10) *Кожа/кожу саднит*.

Тем самым, лабильность часто возникает из более простых явлений – опущения актантов и совпадения типов. Именно поэтому нельзя считать её аналогом немаркированной деривации – деривация часто не непосредственно связывает два значения.

Итак, вопреки широко распространённому принятому мнению, нередко можно определить то или иное «направление лабильности», причём оно вовсе не обязательно совпадает с направлением маркированной деривации при аналогичных глаголах (ср. случай глаголов движения). Существенно, что часто лабильность возникает из более «простых» грамматических процессов и, тем самым, не является полным немаркированным аналогом показателей деривации.

²³ Andrews A.D. Non-canonical A/S marking in Icelandic // Aikhenvald A., Dixon R.M.V., Onishi M. (eds.). Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam: Benjamins, 2001. 87-111.

В последней главе рассматривается применение типологии лабильности к арабской системе. Прежде всего, выделяются релевантные для варьирования черты системы:

1. богатая система показателей деривации;
2. отсутствие жёстких ограничений на переходность производных и базовых глаголов;
3. ограниченность деривации – от части производных глаголов (например, реципрока шестой породы) не образуются новые модели (например, каузатив);
4. малая падежная система с широким употреблением аккузатива – класс синтаксически переходных глаголов включает даже стативные глаголы типа *sa:wa:* ‘равняться чему-л.’.

Первое свойство заставляет предположить, что лабильность в языке неразвита, второе и третье делают её всё же вероятной (в отличие, например, от тюркских языков, где деривация потенциально не ограничена, а производные глаголы, как правило, имеют фиксированную характеристику по переходности).

В дальнейшем арабские лабильные глаголы характеризуются по принадлежности к диатетическим и семантическим типам лабильности. Необычность арабской системы заключается в том, что лабильность сосредоточена в зоне крайне низкой семантической переходности: лабильны глаголы симметричных ситуаций в третьей породе: *sa:wa:* ‘равняться/уравнивать’, *qa:raba* ‘приближать(ся)’, *matala* ‘быть похожим/сближать’ и т.д.:

- (11) a. al-fawz-u y-usa:wi-hi ma'a al-wuqrat-i
 DEF-победа-NOM 3М-уравнивать.PRS.SG-3SG.M с DEF-Вукра-GEN
 ‘Победа уравнивает его с Вукрой (спортивной командой)’.
- b. y-aS'ub-u 'alay-hi 'an y-usa:wi:
 3М-быть_трудным.PRS-SG на-3SG.M чтобы 3М-равняться.PRS.SG
 ma'a al-'a:khar-i:na fi: al-mas'u:liyyat-i
 с DEF-другой-GEN.PL в DEF-ответственность-GEN
 ‘Ему трудно быть равным другим по ответственности’.

Как каузативные, так и некаузативные употребления таких глаголов могут быть переходными или непереходными. Существенна, тем самым, именно возможность варьировать актантную структуру, а не морфосинтаксическую переходность.

Среди других арабских лабильных глаголов тоже почти нет прототипически переходных: это *bada'a* и *'ibtada'a* ‘начинать(ся)’, *tada:wala* ‘использовать / иметь хождение’, *tabayyana* ‘выяснять(ся)’, *iltaqa:* и *talaqa:* ‘встречать(ся)’, *za:da* ‘увеличивать(ся)’, *Tamasa* ‘стирать / исчезать’, *tahaddada* ‘угрожать / быть под угрозой’, *taqassama* ‘делить(ся)’, *'afa:da* ‘быть полезным для X/извлекать пользу’.

Тем самым, арабская система принадлежит к гетерогенным периферийным малым системам. Лабильность в ней во многом связана с производностью глаголов и сходством между их актантами. Из склонных к лабильности типологически групп глаголов в арабском языке лабильны только некоторые фазовые глаголы.

В заключении диссертации перечисляются и классифицируются основные факторы возникновения лабильности:

I. Семантические.

I.1. Фокусирование пациенса.

I.1.a. Прототипический пациенс.

I.1.б. Исключение из ситуации агенса.

I.1.б.1. В силу особенностей агенса: неполной агентивности: глаголы с агенсом-инициатором, конверсивно-лабильные глаголы

эмоций.

I.1.б.3. В силу выделения статального компонента ситуации.

I.2. Сближение пациенса и агенса.

I.2.1. Пониженная семантическая переходность переходного употребления (арабские глаголы третьей породы).

I.2.2. Агентивность непереходного употребления (русские глаголы движения).

I.2.3. Ассоциативный тип каузации (русские и французские глаголы движения).

I.2.4. Посессивные отношения между агенсом и пациенсом (английская окказиональная лабильность типа *bloom*, болг. *мръдва* 'двигать(ся)').

II. Синтаксические: синтаксическое сближение употреблений

II.1. Переходное некаузативное употребление.

II.2. Непереходное каузативное употребление. II.3. Возникновение из опущения или понижения ранга пациенса (глаголы типа *вести*, *гонять*, итал. *chiudere* 'закрывать / закрываться (о магазине)').

III. Морфологические: различные типы производности:

III.1. Выдвижение на первый план компонентов, вводимых при словообразовании (арабские глаголы со значением симметричной ситуации).

III.2. Заимствованная модель (*варьировать*).

Резюмируем основные выводы работы:

1. Лабильность – явление, промежуточное между грамматическими и лексическими, причём в разных системах она может находиться ближе к тому или иному полюсу.

2. Практически всем актантным преобразованиям соответствуют аналогичные типы лабильности. Однако, в отличие от показателей актантной деривации, декаузативный тип лабильности распространён значительно больше остальных, что связано (1) с наличием семантического различия между употреблениями, (2) прототипичностью для многих ситуаций обоих употреблений и (3) тем, что различия между употреблениями не являются такими существенными, как при рефлексиве и реципроке.

3. Лабильность не описывается односторонними импликациями, поскольку может затрагивать взаимоисключающие классы глаголов (в этом она отличается от показателей актантной деривации). Однако эти классы немногочисленны и поддаются типологизации.

4. Свойства системы лабильных глаголов зависят от свойств языковой системы. Выделяются «кавказский» (прототипически переходный, «грамматический») класс глаголов и «европейский» (непрототипически переходный, «лексический»). При этом различия между классами заключаются не в их объёме, а в их составе. При европейском типе два употребления глагола сближаются по свойствам **субъекта** и ситуации в целом, при кавказском – по свойствам **пациенса**.

5. Склонность к лабильности демонстрируют непрототипически переходные глаголы – даже в большей степени, чем прототипически переходные.

6. Лабильность отличается от показателей актантных дериваций спектром употреблений и местом в грамматической системе. В связи с этим их соотношение не носит характера жёсткого распределения, так как эти механизмы служат для разных целей: лабильность сближает два употребления, а показатели их противопоставляют.

7. Во многих языках лабильность зависит от конкретных формальных

особенностей глагола и его производности как таковой. Именно поэтому важен учёт производных лабильных глаголов. Это связано с тем, что при формальной производности глагола на первый план выходят компоненты, введённые показателем. Различие между рефлексивным и нерефлексивным, каузативным и некаузативным вариантами ситуации отходят на второй план.

8. Часто при лабильности два употребления не связаны напрямую, так как лабильность возникает при переосмыслении более «простых» грамматических процессов. При отсутствии маркировки коммуникативно мотивированные процессы «проще» для системы языка, чем изменение семантики.

9. Мена **синтаксической переходности** глагола и вариативность **количества актантов** не обязательно сочетаются у одного глагола. Целесообразно считать, что это явления разных уровней. Каноническая лабильность, при которой меняются и актантная структура, и переходность, возникает потому, что прототипический некаузативный пациентивный глагол является непереходным.

10. Шкала самопроизвольности не полностью описывает свойства лабильности – необходим учёт индивидуальных свойств каждого из употреблений глагола и партиципантов ситуации.

11. Среди ареалов с развитой лабильностью нужно отметить Кавказ, Центральную Европу и Африку, где ключевым является другой тип лабильности. Центральная и Северная Азия, а также Северная Америка к лабильности не склонны, слабой склонностью характеризуются Океания, Южная Америка, Северная и Восточная Европа.

12. Диахронически лабильность возникает из более простых явлений, не связанных с немаркированным изменением числа семантических актантов глагола: опущения актантов, - а также в силу совпадения форм глагола. В этой связи нельзя говорить о том, что лабильность является полным аналогом показателей деривации, поскольку она не связывает употребления глагола непосредственно. На синхронном уровне свойства лабильности также существенно отличаются от свойств показателей.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Ещё раз о соотношении залога и вида: русские приставки, лабильность и каузация // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2003». М., 2003. 394-398.
2. Lability of verbs and its relations to verb meaning and argument structure // Международный симпозиум LENCA-II. Тезисы докладов. Казань, 2004. 180-183.
3. Непрототипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы // Вопросы языкознания, 2005, № 4. 57-75.
4. Лабильность и маркеры деривации: место лабильности в грамматической системе // Выдрин А.П., Герасимов Д.В., Дмитренко С.Ю., Сай С.С. (ред.). Вторая конференция по типологии и грамматики для молодых исследователей. Материалы докладов. СПб, 2005. 103-106.
5. Адыгейские лабильные глаголы и показатель каузатива // Выдрин А.П., Герасимов Д.В., Дмитренко С.Ю., Сай С.С. (ред.). Вторая конференция по типологии и грамматики для молодых исследователей. Материалы докладов. СПб, 2005. 107-110.
6. Лабильность в русском языке: случайность или закономерность? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006». М., 2006. 343-347.
7. Адыгейский каузатив: синтаксис и структура ситуации // Международный симпозиум LENCA-3. Тезисы докладов. Томск, 2006. 120.
8. Связь лабильности со свойствами языковой системы // Выдрин А.П., Герасимов Д.В., Дмитренко С.Ю., Заика Н.М., Сай С.С. (ред.). Третья конференция по типологии и грамматики для молодых исследователей. Материалы докладов. СПб, 2006. 114-117.